

Журнал "Советский экран"

№33, 1925

УДК 791.43/.45
ББК 85.38
Ж92

Ж92 Журнал "Советский экран": №33, 1925 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-458-61638-6

"Советский экран" - первый в СССР иллюстрированный журнал о кино, выходивший раз в две недели с 1925 по 1998. Причиной закрытия журнала стал дефолт и последовавший кризис в стране. В период с 1941 по 1945 журнал не издавался. С 1929 по 1941 год журнал назывался "Кино и жизнь", а с 1991 по 1997 - "Экран". В разные годы главными редакторами журнала были А. Л. Курс, Н. М. Яковлев, Н. Г. Шпиковский, Н. А. Кастелин, Д. С. Писаревский, А. Д. Голубев, Д. К. Орлов, В. Ф. Пименов, Ю. С. Рыбаков, В. П. Дёмин, Б. В. Пинский и др.

ISBN 978-5-458-61638-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1905 ГОД

Печатаю отрывок из сценария „1905 год“, считаю необходимым предупредить, что в настоящем виде сценарий является в достаточной мере схематичным по причинам, от автора не зависящим. Схематичность его обуславливается срочностью заказа и согласованностью с указаниями постановщика С. М. Эйзенштейна.

АВТОР

1. Надпись. „Правительство продолжает шагать по трупам“.

2. На фоне моря, под усиленным конвоем, ведут арестованных кронштадтских матросов.

3. Тема надписи: „Совет призывает, в виде протеста, объявить всеобщую забастовку по поводу предания Военно-Полевому суду кронштадтских матросов и объявления военного положения в Польше.“

4. Работающий завод. Мчащиеся поезда. Работающие краны Судостроительной Верфи. Литье.

5. Наплывом из центра, с наездом на зрителя (крупнее до размера всего экрана) циферблат часов. Стрелка останавливается на 12.

6. Всеобщая остановка работ (как повторная забастовка, монтируется из отдельных кусков ранее снятых моментов забастовок).

7. Типография „Правительственный Вестник“ под охраной солдат.

8. Типография, где печатают „Известия Совета Рабочих Депутатов“, под охраной вооруженной рабочей дружины.

9. Приемная Совета. Отдельные группы обывателей с заявлениями и ходатайствами. Рабочие приносят мешками деньги (медяки, собранные в пользу стачечников), ссыпают их в ящик.

10. Кадры неработающих заводов.

11. Письмо Витте: „Братцы-рабочие и т. д.“ (О прекращении забастовки).

12. Маленькая типография. Печатники читают письмо Витте. Выносят резолюцию:

13. „Прочитали - забастовали“.

14. Бросают работу.

15. В Совете сочиняют ответ Витте.

16. Заседание Совета. Оглашается ответ Совета.

17. Текст ответа: „...Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят“, и т. д. Совет не нуждается в расположении царских временщиков. Он требует Народного Правительства“.

18. Граф Витте читает ответ Совета.

19. Стоят заводы.

20. Правительственное сообщение:

21. „Ввиду распространившихся слухов и т. д. (о передаче дела кронштадтских матросов из Военно-Полевого Суда в Военно-Окружной и снятии военного положения в Польше). (Правительство сдрейфило).“

22. Пуск в ход заводов и машин: Колеса, маховики, моторы и станки стоят в неподвижности. Медленно начинают двигаться. Закружились, задвигались. Наплывом одно на другое. Кончить верчением множества колес.

23. Общее движение колес переходит на работающие аппараты Морзе и Юза. Тянется бесконечная лента:

24. „От-ве-та от Вит-те-не-по-лу-че-но — ба-стуй-те...“

25. Общее собрание Всероссийского Почтово-Телеграфного Союза. Много чиновников в ведомственной форме и девушек. Оратор говорит:

26. Ответ от Витте не получен на предъявленный ультиматум об отмене циркуляра Дурново (о воспрещении образования Почтово-Телеграфного Союза), объявляем Всероссийскую Почтово-Телеграфную забастовку.

27. Кр. Аппарат Морзе: от-ве-та-от-Вит-те-не-по-лу-че-но-ба-стуй-те-ба-стуй-те-ба-стуй-те...“

28. Всеобщая телеграфная забастовка, (почтово-телеграфный знак. По молниям пробегают слова: бастуйте, бастуйте. Гора пустых почтовых сумок, горы писем, бандеролей, затянутых паутиной и т. п.)

29. Совет. Очередь у кассы. Производится выдача денег стачечникам из забастовочного фонда.

30. Крупно. Огромный почтовый ящик; почти пустой. Опускается в него письмо, другое пятое, десятое, наполнив его почти на четверть.

31. На заграничном рынке стремительно падает русский рубль. Бумаги обесценивались.

32. Министерская приемная. Подобострастная фигура капиталиста. Что-то горячо говорит надменному и важному сановнику:

33. Тема надписи: необходимы, ваше сиятельство, самые решительные меры против обнаглевшей черни.

34. Кр. Лицо финансиста (уверяет, божится)

35. Кр. Лицо важного сановника.

36. Тема надписи: Поверьте, мы с вами и против правительства! Но умоляем вас, прекратите забастовку — она губительна.

37. Тот же финансист у секретаря стачечного комитета Почтово-Телеграфистов. (Полное повторение кадра № 32, но вместо надменного сановника — презрительно смотрящее лицо молоденького телеграфиста с еле заметными черными усиками).

38. Кр. Бездействующие телеграфные аппараты. На столах и на полу ворох набежавшей ленты.

39. Кр. Биржевые сводки на ленте Юза (цены заграничных рынков).

40. Кр. Почтовый ящик полон до верха. Письма с трудом протискиваются внутрь ящика.

41. Кр. Холеная рука в кольцах (дамская) изящно снимает паутину.

42. Общий вид почты. Огромный стол — весь заваленный письмами, почтовыми посылками, бандеролями и пр. У стола суетятся дамы. Группа тщедушных суб'ектов профессорского типа, в пенсне, согнувшись под тяжестью кожаных почтовых сумок, нагружаются до верха конвертами всякой величины.

43. У входа Почтамта стоят группами стачечники.

44. Из двери почтамта выходит интеллигентная толпа, нагруженная почтой: дамы,

седовласые профессора. Вид решительный и победоносный

45. Стачечники и публика поднимают их на смех. Общий гогот и шутки.

46. Многоэтажный мрачный и грязный дом. По лестнице вверх, обливаясь потом, еле держась на ногах от усталости и тяжести, придерживаясь за перила, поднимается профессор-почтальон.

47. Подымается на 6-й этаж. У грязной двери, с трудом разыскав № квартиры, „почтальон“ дернул колокольчик. Выглянула голова растрепанной женщины. Почтальон протянул ей письмо. Женщина обалдело глянула на потного „почтальона“. Взяла письмо, прочла адрес: Евстигнееву Петру Демьяновичу, дом 17.

48. Тема надписи: „Не туды попал“.

49. Дверь хлопнула. Сраженный профессор опускается на пол. Письма высыпаются из сумки,—вниз по грязной лестнице. Затемнение.

Н. Агаджанова

1. У грузчика простые манеры: он стаскивает казака, как куль муки.

2. Друг подле друга стоят гигантские пароходы. Здесь зарождается бунт.

3. Грузчик этот, обрусевший грек, был первым забастовщиком в Одессе.

Н А Э К Р А Н Е

Нападение на поезд Колчака, везущий
золот. запас—(реж. Гардин).

„Бухта смерти“ (реж. Роом)

Партизаны довольны: Им сегодня уда-
лось разгромить белогвардейцев („Чер-
ное сердце“—реж. Сабинский).

„Красный газ“—(реж. Калабухов)

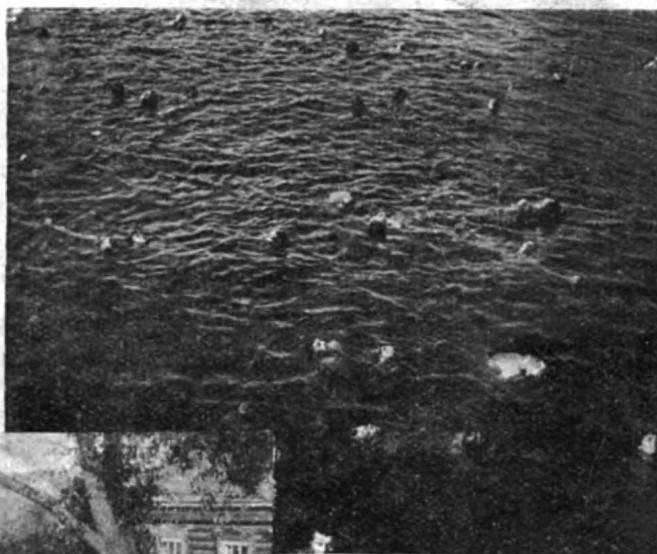
Полиция производит обыск. Вскрывают столы, переворачивают всякое барахло („Маб ул“).

2. „Революционер“ в рясе, поп Гапон посетил ночлежный дом. („9-ое января“).

1) Железная решетка замкнула жизнь, — как дверь. Но не этой, треххаршинной жизнью живут арестанты. Они смотрят в окно и живут заоконной жизнью.

3) Карательный отряд в деревне
(„Кирильчо“)

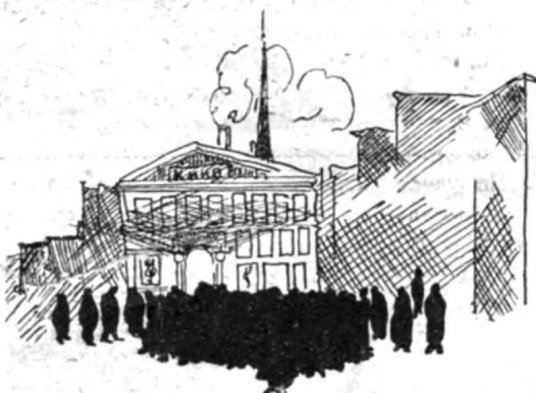

2) „Трипольская трагедия“. Комсомольцы, спасаясь от Зеленого, бросились в Днепр.

КАК Я БЫЛ ЛЕКТОРОМ В КИНО

В течение без малого двух лет (1920-21 г.г.) я состоял лектором при кинематографе. Это было одно из очередных увлечений кипучей революционной поры: всюду, где только было можно, читать лекции. Кинематограф представлялся не только обширной, но и, так сказать, девственной аудиторией, которую в высшей мере важно оросить научным, политическим и художественным знанием.

В Ленинграде, который мы, для хронологической верности, будем называть Петербургом, действовало в это время не менее 20-30 кинематографов, но ни одного трамвая, и потому лекционное бюро прикрепляло лекторов по территориальному принципу — кому куда ближе. Мне достался кинематограф „Буревестник“, между двумя едва ли не самыми непрезентабельными и шумными петербургскими рынками — Никольским и Покровским, что на Садовой улице.

Это было грязное, до нельзя запущенное, низкое, чуть кособокое помещение человек на 500. Оно было всегда полно, несмотря на то, что напротив находился новенький и, можно сказать, щегольской кинематограф — „Нью-Стар“. Я сказал „несмотря на то“, а может быть, следовало бы сказать — „благодаря тому“. Грязь и запущенность „Буревестника“ именно непрезентабельностью своей и привлекали публику, которая сама была грязна, запущена и непрезентабельна.

В то время свободная денежная наличность имела только у мелких торговцев да у уличных спекулянтов

Мальчики и девочки, продававшие папиросы и „ириски“, какие-то темные субъекты, прятавшиеся за углом и вытаскивавшие из бездонных карманов куски залежалого шпика, вы-

менивавшие, променивавшие, катавшие на крышах вагонов с „провизионками“ и т. п. — это был главный или, во всяком случае, весьма заметный контингент публики кинематографа, — наиболее денежный элемент ее.

После „трудового дня“ в трущобах и закоулках, где осталась незаконченная торговля, необходим был час „романтики“. А романтика — это кинематограф. А кинематограф — это волшебный экран, на котором проходят тени прекрасного мира, где леди Дженкинс зовет лакея — лакей же похож на Чемберлена — и грациозным движением сбрасывает великолепную меховую накидку и затем приказывает затопить камин.

Камин топится, из-под плохо прилаженных половиц „Буревестника“ дует, а сверху каплет от испарений, оседающих в нетопленном помещении.

Картины того времени были большею частью — зализанные, заплатанные, урезанные остатки фильм Ханжонковского, Дранковского производства и разная заграничная заваля, набранная в кладовых прокатных контор. И пред всякой такой дребеденью надо было читать „объяснительную“ лекцию: почему леди Дженкинс сбрасывает накидку на руки великолепного лакея.

Какая тут „психология“? И что значит фильма — „Догорели огни, облетели цветы“? Почему молодой человек в щегольском пиджаке с орхидеей в петлице любит художницу Елистратову, Елистратова же, по вольности дворянства, увлекается помещиком Савченко, Савченко же долго катается на автомобиле, потом садится на мраморную скамейку и дрожащею рукою раскуривает папиросу? Что все это означает при свете совести и морали? А также, в чем смысл великолепной тигровой шкуры, которая лежит у ног Елистратовой — подарок охотника на тигра Петедуйского?

И вот у молодого человека уже нет орхидей — „облетели цветы“, и Савченко сидит перед потухшим самоваром — „догорели огни“ ..

Я не говорю, что все картины были такого рода, но — большинство. Ничтожество (а иногда и бессмыслица урезанных, вследствие дефектов, фильм) было таково, что бывало рад-радеше-

нек, когда попадалась научная или историческая, или хотя бы просто литературная фильма. Я распахивал шубу, — ибо мы читали в шубах — и принимался за раз'яснения. Но мальчишки-папиросники и девочки, продававшие ириски, относились враждебно именно к такого рода из'яснениям. Они жаждали романтики, а не дидактики.

— У, борода, — доносилось из первых рядов — опять зачал науку рассказывать...

Я на мгновение останавливался — я знал хорошо свою аудиторию, вперял в нее молниеносный взор и резко обрывал папиросников:

— Цыц. Молчать. Советская власть заботится о вашем умственном развитии, а вы тут безобразничаете. Вот я вас.

Более солидная часть публики, степенные торговцы, красноармейцы и пр., всегда награждали меня аплодисментами за эти окрики. Им больше нравилось проявление сильной власти, нежели собственно „научная“ сторона моих лекций.

Ах, милые читатели, ведь это продолжалось почти два года. В антрактах между двумя сеансами мы сидели вместе с музыкантами и

артистами дивертисмента под сценой в импровизированных уборных и ломали деревянные перегородки, которые запикивали в большую чугунную печку, чтобы согреться.

Было очаровательно мило, ибо тоже отзывалось романтикой. Иногда заходил контролер из кино-комитета и говорил мне:

— Я совершенно согласен с вами, товарищ, относительно психологии помещика Савченко. Это верно и по-марксистски. Позвольте пожать вашу руку. Однако, вы читали всего 3½ минуты, слишком кратко, я должен буду довести об этом до сведения комитета. Потом (он справлялся в своей записной книжечке) вы упомянули об отечестве. Надо было бы прибавить — „социалистическом отечестве“. А то выходит какая-то шейдемановщина... Чертовски, однако, у вас холодно...

Впрочем, контролер был прекрасный товарищ, и, в конце-концов, мы были друзьями. Недавно я встретил его. Вспоминали старое.

— Интересное время, знаете, было, чорт возьми. А? Неповторимое...

Да, неповторимое. И кто не жил новою жизнью революции в эти годы под'ема — в сущности не знал настоящей романтики. Пил, ел, сладко спал — это точно.

Но чудеса революции полны были такой обольстительной фантастикой, за которую можно отдать века сытого и стихийного прозябания.

А. Кугель

„КОМИЧЕСКАЯ“

Папаша и мамаша
 Ждут в угаре:
 — Где это Гарри?
 Что это с Гарри?
 Гарри с Кэт —
 Пляшет фокстрот:
 Раз —
 пируэт,
 раз —
 поворот!
 Папаша и мамаша:
 — Гарри нет...
 Гарри — Кэт
 дарит букет.
 Под бешеный такт —
 — налетает фрак.
 Так-то, мол, и так...
 (Гарри не дурак!)
 Взгляд, — и пошел,
 Прыг — через стол.
 Гарри через мебель
 перепрыгивает.
 Мамаша и папаша —
 Гарри — за фалды:
 — Чтоб не погиб ты,
 чтоб не пропал ты!

Посылают Гарри,
 — ну!...
 В страшную
 ковбойскую
 страну.
 Налетает на Гарри ковбой —
 в бой!
 Гарри ковбою в зуб —
 хлюп!...
 Гарри ковбою в лоб —
 хлоп!...
 Шпоры лошади в круп —
 уупп!!!
 За плечами пакет —
 (Милая Кэт)
 Гарри от боя
 взмок
 Шпоры — в бока!
 Два седока —
 (в глазах
 голубое)
 ЧМОК!
 (Диафрагма)
 КОНЕЦ.

С. Кирсанов

ЖЕСТОКАЯ НАТУРА

(Из дневника участника)

БОДАИБО — маленький приисковый городишко.
 У пристани спешно нагружается баржа — экспедиция Пролеткино.
 Снимается „Ленское Золото“.
 Все в сборе.
 Широкие шаровары золотоискателей.
 Длинные рубашки и таежные сапоги.
 Одевание это мы носим со дня приезда, чтобы сжиться с костюмом.
 Спешат со своими скромными пожитками актеры для массовок.
 Бывшие золотоискатели пожилые, длинно-бородые люди.
 В свое время они исколесили тайгу в поисках золота, — теперь с удовольствием будут играть самих себя.
 Свисток.
 И моторная лодочка потащила за собой баржу.
 Идем по течению Витима.
 Берега покрыты гольцами и хвойными лесами.
 Настроение приподнятое.
 Несколько часов пути.
 Устье реки.
 Якорь.
 Здесь будет наша база.
 Утром выедем на с/емку.
 Спать ложимся рано.
 Оператор Новицкий заряжает под одеялом кассеты.

Голос помощника режиссера будит нас.
 Разводим костры.
 Уничтожаем консервы, надоевшие до тошноты.
 Через час выезжаем, навьючив якутских лошадей.
 С/емка на высоком гольце.
 Большинство актеров идет пешком.
 Верхом едут только слабые.
 Добрались до вершины.
 Скалы.
 Вид бесконечной девственной тайги, изрезанной реками.
 Репетируем борьбу на скалах.
 Голова кружится.
 Высоко.
 Каждую минуту рискуешь свалиться вниз.
 Режиссер и оператор едва примостились на небольшой скале.
 — Приготовились, — кричит режиссер.
 — Скорее! Солнце уйдет, — нервничает оператор.
 Сняли.
 Поправляем грим.
 Отгоняем мошку, доводящую до бешенства.
 От укусов вспухли лица.
 Раздается смех.
 Принесли чучела, спрятанные в скалах.
 Чучела разодраны.
 На них медвежьи следы.

С. Минин

ТОТ, КТО ПОЛУЧАЕТ ПОЩЕЧИНЫ

(Письмо из Берлина)

ДЕНЬ моего приезда в Берлин совпал с премьерой фильма Метро-Гольдвин-Фильм Уфа — „Тот, кто получает пощечины“.

Хочется сказать несколько слов о той непонятной и непринятой у нас помпезности, с какой эта фильма была подана в Уфа-Паласе — одном из самых больших, лучших и комфортабельных кино-театров Европы. Вместо обычных трех вечерних представлений (по праздникам четыре) 17 октября состоялся один парадный сеанс, на который публике предлагали явиться в вечерних туалетах (для мужчин обязательно — фрак или смокинг).

В виду того, что сценарий фильма написан по драме русского писателя, управление театра пожелало придать русский характер всему представлению, которое началось капризно Чайковского в исполнении грандиозного (постоянного) оркестра Уфа-Палас, состоящего из 93 человек. Оркестр этот, который, кстати сказать, больше берет количеством, чем качеством, исполнил еще сюиту Чайковского „Щелкунчик“. Танцевали: Александр Уманский, Валентина Белова, Мария Вонковская и другие русские артисты.

После музыкально-хореографического отделения были показаны: „Басня Эзопа“ и „Уфа — обозрение“ и лишь после этого довольно громоздкого вступления, которое длилось 45 минут, на экране замелькала картина из трагедии Л. Андреева.

Фильма поставлена талантливым шведским режиссером Виктором Систремом, который с прошлого года начал работать в Америке, — поставлена очень тщательно, любовно, с похвальным стремлением пожертвовать эффектами внешними мелочами в пользу цельности и правдивости содержания.

„Тот, кто получает пощечины“ — выдающееся явление американской кино-продукции. Этому содействовали: и трагический замысел Л. Андреева, и прекрасно разработанный сценарий К. Вильсона, и вдумчивый подход к работе В. Систрема, и (прежде всего) замечательная

Лон - Чаней.

игра почти неизвестного у нас, но знаменитого и любимого в Америке артиста Лон-Чанея.

Чаней — чуть ли не единственный трагический кино-артист в Америке, но этим не исчерпываются его достоинства.

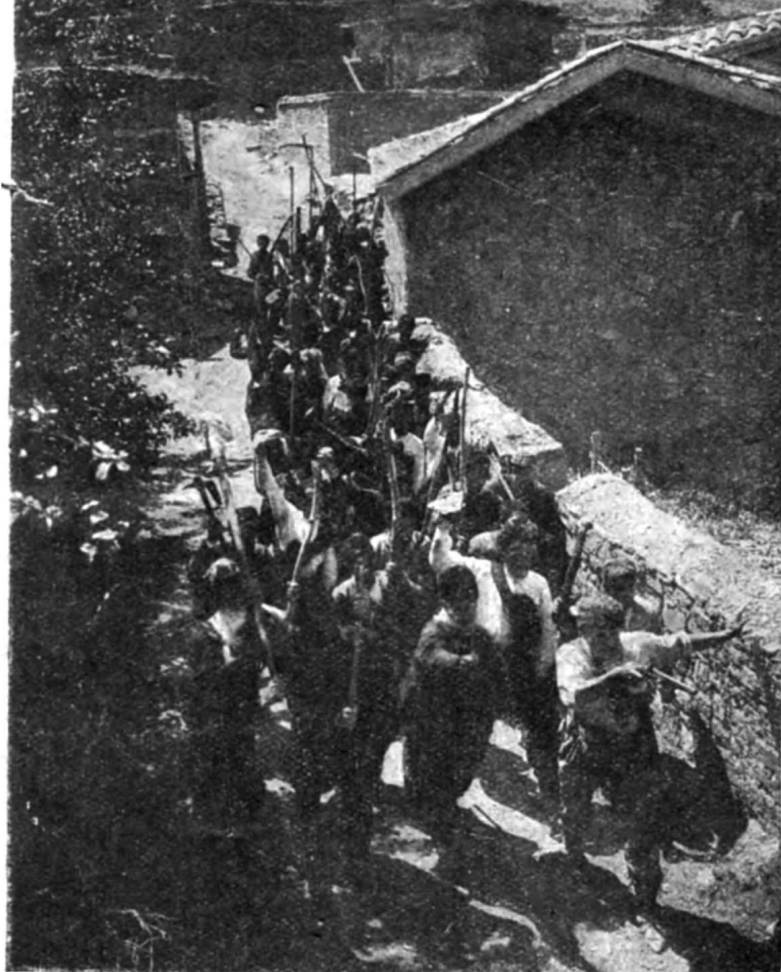
Он пленяет зрителя одновременно глубиной взгляда и выразительностью скупого, сконденсированного жеста. В „Тоте“ он создает глубоко-жизненный тип настоящего русского славянского интеллигента.

Конечно, по всему духу своему „Тот“ — чисто немецкая, глубоко-психологическая картина, и только В. Систрему Америка обязана своей подлинно-драматической кино-картиной, которой у нас в Союзе обеспечен самый верный и заслуженный успех. Фильма была принята в Берлине прекрасно и расфранченная публика в явно подавленном настроении уходила из театра.

Берлин.

Зин Л.

Г О С

1) Партизаны на восточном фронте готовят нападение на поезд, везущий золотой запас.

2) „Песнь на Камне“
Восстание в горной татарской деревне. Татары вооружены вилами, косами и топорами.

